

Городилова Людмила Михайловна

СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ

В статье отражен один из аспектов исследования русского антропонимикона, зафиксированного в разножанровых рукописных памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в., представлена типология структурных моделей мужского именника. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из неопубликованных архивных материалов.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/15.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (24): в 2-х ч. Ч. I. С. 62-65. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. **Беляева Е. И.** Грамматика и прагматика побуждения: английский язык. Воронеж: ВГУ, 1992. 168 с.
2. **Вежицкая А.** Речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 251-275.
3. **Горло Е. А.** Регулятивные модальные референции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 3 (21). Ч. 2. С. 61-64.
4. **Жинкин Н. И.** Вопрос и вопросительное предложение // Вопросы языкознания. М.: Издательство академии наук СССР, 1955. Вып. 3. С. 22-34.
5. **Конрад Р.** Вопросительные предложения как косвенные речевые акты // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. С. 349-383.
6. **Нечаева Н. В.** Прагматический потенциал вопросительных конструкций в жанре литературно-критического эссе // Личность, речь и юридическая практика. Ростов н/Д: ДЮИ, 2012. Вып. 15. С. 130-134.
7. **Пешковский А. М.** Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.
8. **Шмелёв И. С.** Письмо молодого казака [Электронный ресурс] // Шмелёв И. С. Собр. соч.: в 5-ти т. Т. 2. URL: <http://fstanitsa.ru/category/menyu/kultura/pismo-molodogo-kazaka-shmelev-novye-rasskazy-o-rossii> (дата обращения: 18.12.2012).
9. **Шолохов М. А.** Письма / под общей редакцией А. А. Козловского, Ф. Ф. Кузнецова, А. М. Ушакова, А. М. Шолохова. М.: ИМЛИ РАН, 2003. 480 с.
10. **Confais J. P.** Frage, Fragesatz, Fraglichkeit // Fragen und Fragesätze im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1995. S. 1-12.
11. **Marschall M.** Fragezeichen oder was «bittschön» ist ein Fragesatz? // Fragen und Fragesätze im Deutschen. Tübingen: Stauffenburg Verlag, 1995. S. 13-24.

QUESTIVE REFERENCES

Gorlo Evgeniya Anatol'evna, Ph. D. in Philology
Taganrog State Pedagogical Institute named after A. P. Chekhov
shenetschka@rambler.ru

The author makes more exact the definition of questive references from the perspective of linguistic pragmatics, considers the most important theoretical concepts for linguo-pragmatic research in the history of their study, and presents the progress and results of the linguo-pragmatic analysis of questive references explication by the material of Cossack discourse.

Key words and phrases: pragmatic meaning; subject-marked correlation of speech units and objects of reality; questive modal references; Cossack discourse.

УДК 81'373.2

Филологические науки

В статье отражен один из аспектов исследования русского антропонимикона, зафиксированного в разножанровых рукописных памятниках деловой письменности Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в., представлена типология структурных моделей мужского именника. В научный оборот впервые вводятся данные, извлеченные из неопубликованных архивных материалов.

Ключевые слова и фразы: историческая антропонимика; региональная антропонимия; антропонимикон русских первопоселенцев Приенисейской Сибири; модели антропонимов.

Городилова Людмила Михайловна, д. филол. н., профессор
Дальневосточный государственный гуманитарный университет
gorodilova_l@mail.ru

**СТРУКТУРНЫЕ ТИПЫ РУССКИХ АНТРОПОНИМОВ
В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ ПРИЕНИСЕЙСКОЙ СИБИРИ®**

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта № 11-14-27002а/Г «Антропонимия Приенисейской Сибири XVII – начала XVIII в. (на материале памятников деловой письменности)».

Источником настоящего исследования послужили неопубликованные рукописные памятники делового содержания (более 400 ед.), хранящиеся преимущественно в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА, Москва), в Архиве Санкт-Петербургского филиала Института российской истории РАН (СПбФИРИ, Санкт-Петербург), а также в Государственном архиве Красноярского края (ГАКК, Красноярск).

Документальная письменность, созданная в делопроизводственных учреждениях Приенисейской Сибири в период ее активного освоения, отражает все структурные типы русских антропонимов – одно-, двух- и трехкомпонентную структуры, что соответствует общерусской картине формирования антропонимической системы. Под структурной моделью понимается определенный тип личной номинации (L), который характеризуется количественно-компонентным показателем (составом), принадлежностью к системе календарных (Lk) или некалендарных (Lpk) имен, а также функциональной нагрузкой каждого из членов именования [1, с. 119].

Однокомпонентные структуры (*Lk* или *Lnk* – личное календарное/некалендарное имя) представляют собой данные детям при рождении имена собственные. В анализируемых текстах подобная структура используется при перечислении детей в возрасте от 2 дней до 25 лет. Как правило, имена собственные используются в уменьшительно-уничижительной форме, что соответствует требованиям делового письма: «а у него сын Ивашко 12 лет да пасынок ево Мишка 20 лет не в службе» [3, кн. 566, л. 167], «пятидесятник Иван Михайлов сын Потылицын живет в городе а у него детей Ивашко 12 лет Фомка 9 лет» [Там же, л. 192 об.], «а у него два пасынка Спирка 10 лет Тишка 7 лет» [Там же, л. 193], «деревня пашенного Карпунки Мокеева у него детей Гараска 24 лет женат Мишка 12 лет Федка 10 лет» [Там же, кн. 527, л. 428 об.].

В отдельных текстах (переписные книги служилых и посадских людей) однокомпонентные структуры используются при перечислении родственников (братьев): «у него четыре брата Сергушка 14 лет Ярафейко 13 лет Игнашка 12 лет Петрушка 9 лет» [Там же, л. 194 об.], «у них же братья Ивашко 20 лет Петрушка 15 лет Васка 10 лет увечны работать не могут» [Там же, л. 428].

Однокомпонентные структуры используются также при повторном упоминании лица в документе, но после того, как о переписываемом человеке дана вся необходимая информация: «приплыли из... Зобнины кури ясашины зборишки десятник стрелецкой Иван Сорокин с товарищи недовез он Иван... варовых веревок дватцат пят сажен печатных» [4, ст. 65, л. 44]; «а в том дворе монастырской крестьянин Сенка Алексеев Луза а сказался родом он Сенка Усоля Вычегоцкого Зобяченской волости а в той де волости был он Сенка великого государя тяглой человек и платил он Сенка з земли своей... денежной оброк а пришел де он Сенка в Енисейск за Рожественской монастырь своею волею» [3, кн. 403, л. 116-116 об.].

Как правило, однокомпонентной антропонимической моделью представлены «новокрещенные работные люди»: «да куплены ево мугальские Стенька да Петрушка новокрещеные» [Там же, кн. 566, л. 163]; «купленной ево малой мугальской Елеска новокрещен» [Там же, л. 169].

Как справедливо отмечает Т. В. Бахвалова, «одночленные именованья моделей... не могли самостоятельно справиться с выполнением социально-различительной функции» [1, с. 122], обусловленной развивающимися сложными социальными и торгово-экономическими отношениями на осваиваемой территории Приенисейской Сибири.

Более жизнеспособной оказалась **двухкомпонентная структура** именованья лица, способствовавшая выполнению антропонимом социально-различительной функции. Именно второй компонент модели уточнял первый и указывал на специфическую особенность, характерную черту носителя личного имени или на имя отца именуемого. Как свидетельствуют памятники Приенисейской Сибири, модели *Lk + Lnk^{Sub.}* и *Lnk + Lnk^{Sub.}* стали довольно распространенными в именовании служилых и посадских людей, а также крестьян, поскольку в наибольшей степени соответствовали общественным требованиям: *Семешка Кобылка* (1640), *Гришка Высота*, *Офонка Плетень*, *Ивашко Паут*, *Фетка Сокол*, *Кирилко Соловей* (1654), *Гришка Орешик* (1671), *Ивашка Репа*, *Федька Масло*, *Олешка Лопата* (1679), *Андрей Сметана* (1704), *Богдашко Момон* (1634), *Дружина Куба* (1649), *Богдашко Балаш* (1654) и др. Довольно часто второй компонент представлял собой оттопонимическое образование, указывающее на место рождения или прежней жизни сибирского первопоселенца: «служилый Васька Каргополец» (1628), «десятник Гришка Казанец» (1629), «десятник Ивашко Казанец» (1630), «ясачный зборщик Мишка Казанец» (1632), «служилой Стенька Варзуга» (1635), «служилой Осипко Белозерец» (1653), «беглец Васька Москва» (1654), «посадский человек Красноярского острога Ивашко Турухан» (1671). Такие структуры способствовали выделению человека среди жителей конкретного населенного пункта в случае совпадения личных имен.

По материалам деловой письменности Приенисейской Сибири удалось выделить шесть типов двухкомпонентных антропонимов, при этом преобладающими (78%) оказались модели *Lk + Lk^{Ad.P.}* и *Lnk + Lk^{Ad.P.}*, в которых второй компонент представлен прилагательным, образованным от личного имени отца, например: *Остафей Гаврилов*, *Павел Артемьев*, *Устин Степанов*, *Ярофей Петров*, *Василей Максимов* (1646), *Мишка Архипов*, *Бориско Микитин* (1654), *Тишка Алексеев*, *Петрушка Анцыфоров*, *Дениско Никитин* (1671), *Марчко Марков* (1679), *Незговорко Марков* (1634), *Мороз Марков*, *Третьяк Михайлов*, *Шумило Федоров*, *Шестак Калинин* (1646), *Богдашко Денисов* (1654), *Богдашка Ананин* (1679).

Среди наиболее частотных двухкомпонентных структур можно также выделить модели, в которых второй компонент представлен:

1) собственно качественным прилагательным (*Lk + Lnk^{Ad.A.}* и *Lnk + Lnk^{Ad.A.}*), например: *Семенка Голой*, *Васка Дутый*, *Ондрюшка Молодой*, *Климко Слепой* (1654), *Гришка Косой* (1671), *Ивашко Круглой* (1679), *Прокопей Бешеной* (1704);

2) прилагательным, образованным от нарицательного существительного (*Lk + Lnk<sup>Ad.<Sub.</sup>* и *Lnk + Lnk<sup>Ad.<Sub.</sup>*): *Никита Паутов* < паут (1634), *Стенка Корытов* < корыто, *Ивашко Сорокин* < сорока (1640), *Петрушка Птицын* < птица, *Лучка Соболев* < соболев, *Фарафонко Тютин* < тютя (1671), *Ивашко Падерин* < падера (1679), *Исаак Сухотин* < сухота (1704);

3) прилагательным, образованным от топонимов (*Lk + Lnk^{Ad.T.}* и *Lnk + Lnk^{Ad.T.}*), среди которых наиболее частотными оказались оттопонимические антропонимы, образованные с помощью суффиксов *-ов(-ев)*, *-ин*: *Тюменцов* – «атаман Емельяноко Тюменцов» (1640); «рядовой казак Васька Тюменцов» (1640); *Арзамасов* – «конный рядовой Андрияшко Арзамасов» (1700); *Казанцов* – «рядовые Пашко Казанцов, Савка Казанцов» (1700); *Колмогоров* – «енисейский посадский человек Кондратей Колмогоров, Тимофей Колмогоров» (1704); «енисейский посадский человек Иван Колмогоров» (1705); *Ярославцов* – «Левка Иванов Ярославцов» (1705); *Лалетин* – «рядовой Мишка Лалетин» (1700).

По данным деловой письменности Приенисейской Сибири, во второй половине XVII в. среди двухкомпонентных структур преобладающей становится модель $Lk + Lk^{Ad.P}$, независимая от социального статуса носителя имени: *пашенный крестьянин Сергушка Офонасевъ* (1654), *затинщик Гришка Осипов* (1671), *гулящий человек Тимошка Осипов, посадский человек Левка Обросимов, крестьянин Игнашка Михайлов* (1679) и подоб.

Трехкомпонентная структура – личное имя (L) + отчество (P) + прозвище/фамилия (Pr/F) – существенно уступает в употреблении двухкомпонентной и чаще всего используется при указании на лиц, занимающих высокое положение в обществе или в служилой иерархии, а также для называния владельцев дворов и земельных наделов. В исследованных текстах отмечены следующие модели трехкомпонентных структур:

1) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + Lnk^{Sub.}$: *Аничка Иванов Лодка, Онтонко Потапов Бук, Ефрем Ильин Кривошея, Ефимко Харитонов Локас, Савка Аncyфоров Сурпа* (1634), *Митька Сергиев Рена* (1671), *Родька Григорьев Козуля, Илюшка Андреев Кузнец, Васка Семенов Шум* (1679);

2) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + Lnk^{Ad.A.}$: *Федор Родионов Вострой, Федор Савельев Малой* (1647), *Гришка Иванов Зяблой, Якунка Онтонов Широкой* (1649), *Афонька Артемев Чермной, Юрка Дорофеев Кривой* (1671), *Ивашко Фомин Черной* (1679);

3) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + Lnk^{Ad.T.}$: *Дружынка Федоров Волга, Незговорко Марков Верхотоемец* (1634), *Анрюшка Петров Колуга, Ивашко Иванов Важанин* (1671), *Данилко Макарьев Верхотур* (1683), *Кирюшка Васильев Важенин* (1684);

4) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + Lnk^{Ad.<Sub.}$: *Васька Федотов Гусельников, Никифорко Григорьев Капустин, Томилко Якимов Клопов, Ефимко Иванов Курочкин* (1634), *Иван Петров Горохов, Василей Иванов Сорокин, Иван Иванов Петухов* (1646).

Однако анализ текстов (особенно второй половины XVII в.) убедительно доказывает явное преобладание в употреблении выявленных трехкомпонентных моделей их разновидностей с дополнительным словом «сын», который относится ко второму компоненту [5, с. 15]:

1) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + \text{сын} + Lnk^{Sub.}$: *Ивашко Прокопьев сын Губа, Демка Феропонтов сын Ерыкало* (1654), *Ивашка Максимов сын Бумашка, Ивашка Осипов сын Дудка, Ларка Семенов сын Дергач, Гришка Федоров сын Волченоч, Иван Абросимов сын Козел* (1671);

2) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + \text{сын} + Lnk^{Ad.A.}$: *Гришка Автамонов сын Глубокой, Федька Осипов сын Глухой* (1671);

3) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + \text{сын} + Lnk^{Ad.T.}$: *Ивашко Яковлев сын Тотьма* (1651), *Васька Онтонов сын Вятка, Ивашко Перфирев сын Галичанин, Ивашко Алексеев сын Даур, Ивашко Михайлов сын Казанец, Тимошка Яковлев сын Лалетин, Оська Афонасьев сын Ярославец* (1671);

4) $Lk (Lnk) + Lk^{Ad.P} + \text{сын} + Lnk^{Ad.<Sub.}$: *Гришка Микитин сын Губин* (1654), *Кирилко Алексеев сын Горбунов, Онисимко Леонтьев сын Говорухин, Иван Сергиев сын Чагин, Иван Кирилов сын Сухотин* (1671).

В монастырских переписных книгах дважды отмечено употребление разновидности трехкомпонентной антропонимической модели со словом *прозвище*: *Афонька Леонтьев прозвищем Ортев, Якунка Гаврилов прозвищем Байкал* (1679).

Особо следует отметить трехкомпонентные структуры, в которых второй компонент ($Lk^{Ad.P}$) образован при помощи *-ич/-ович/-евич*: *Иван Никитич Хованский, Петр Михайлович Ухтомский, Иван Павлович Лошаков, Федор Исакович Байков, Олферей Петрович Баскаков, Борис Михайлович Лыков, Кирило Аристархович Яковлев* и др. Подобная модель употребляется только при именовании высоких должностных особ – стольников и воевод, бояр, князей, подьячих с приписью, представителей московских приказов. Данная формула не распространяется на рядовых жителей Приенисейской Сибири – служилых, посадских людей, крестьян, подьячих и др.

Монастырские переписные книги часто фиксируют колебания в употреблении двух- или трехкомпонентных моделей именовании одного и того же лица: *Федька Черной / Федька Ильин Черной, Сенька Луза / Сенька Алексеев Луза, Пронька Соловар / Пронька Алимтеев Соловар*.

Крайне редко встречается **4-компонентная структура антропонимов**. В наших памятниках на данный момент исследования зафиксированы только два примера: *Левка Васильев Шапка Заворохин, Федька Федоров Лошкин Вятченя* (1634).

Итак, исследованные рукописные источники позволяют сделать вывод о том, что в XVII – начале XVIII в. антропонимическая система Приенисейской Сибири находилась в стадии активного формирования, что подтверждается многочисленными вариативными формами личных имен, а также наличием всех возможных в XVII в. структурных моделей – от однокомпонентных до четырехкомпонентных, включая трехкомпонентную модель, совпадающую с современной. При этом высокой частотностью употребления (78%) в разных типах текстов, как и в других регионах Сибири [2, с. 12-13], отличается двухкомпонентная модель, состоящая из христианского имени в его неофициальной форме и патронима (отчества на -ов, -ев, -ин) или фамилии (от христианского имени).

Список литературы

1. Бахвалова Т. В. Из истории развития личных имен в Белозерье (на материале памятников письменности XVI-XVII вв.) // Проблемы ономастики: сб. научных статей / отв. ред. И. Яценко. Вологда: ВГПИ, 1974. С. 119-126.
2. Захарова Л. А. Антропонимы жителей острогов Томского разряда XVII – начала XVIII в.: диалектный и национальный состав, структура // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3 (7). С. 5-17.
3. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. Оп. 1.
4. РГАДА. Ф. 214. Оп. 3.
5. Унбегаун Б. О. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989. 443 с.

STRUCTURAL TYPES OF RUSSIAN ANTHROPONYMS IN BUSINESS WRITTEN LANGUAGE OF ENISEI SIBERIA

Gorodilova Lyudmila Mikhailovna, Doctor in Philology, Professor
Far-Eastern State Classical University
gorodilova_l@mail.ru

The author considers one of the aspects of the Russian anthroponymicon research recorded in various genres of business writing monuments of Enisei Siberia of the XVIIth – the beginning of XVIIIth century, presents the typology of structural models of male names list, and for the first time introduces the data from the unpublished archival materials into scientific circulation.

Key words and phrases: historical anthroponimics; regional anthroponymy; anthroponymicon of Russian first settlers in Enisei Siberia; models of anthroponyms.

УДК 81-23

Филологические науки

В статье рассматриваются особенности развития хакасско-русского билингвизма молодёжи Хакасии за период с 1998 года. Анализируя специфику республиканского языкового законодательства и данные последних социолингвистических опросов, автор приходит к выводу о существующей корреляции динамики изменений в языковой компетенции хакасских старшеклассников с изменениями в языковом законодательстве Республики, которое, в свою очередь, оказывает прямое влияние на принимаемые республиканским Правительством меры по сохранению и развитию хакасского языка.

Ключевые слова и фразы: хакасский язык; билингвизм; языковая политика; динамика социолингвистических процессов.

Гусейнова Аурика Вагифовна

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова
owcebyk@yandex.ru

**ОСОБЕННОСТИ БИЛИНГВИЗМА ХАКАССКОЙ МОЛОДЁЖИ
В КОНТЕКСТЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ ХАКАСИЯ[©]**

Работа выполнена в рамках государственного задания Министерства образования и науки РФ № 6.8115.2013.

Выявление особенностей взаимодействия различных языков в условиях национально-русского двуязычия относится к актуальным задачам современной социолингвистики. Под влиянием динамичных процессов глобализации этнодемографическая ситуация стремительно меняется, что ведёт к изменению ситуации языковой. Эти изменения далеко не всегда можно оценивать положительно, особенно в отношении миноритарных языков, что актуализирует необходимость регулярного социолингвистического мониторинга и анализа динамики языковой ситуации для выработки эффективных мер по сохранению и развитию лингвистического многообразия.

В данной статье представлены результаты опроса учащихся выпускных и предвыпускных классов Хакасской национальной гимназии-интерната имени Н. Ф. Катанова (далее ХНГИ) в аспекте развития их хакасско-русского двуязычия. Открытая в 1945 году как национальная школа, ХНГИ остается одним из немногих учебных заведений, где изучается хакасский язык и литература, проводятся традиционные хакасские праздники, регулярно устраиваются встречи с деятелями науки и культуры республики. С первых лет своего существования ХНГИ стала «кузницей национальных кадров», а сейчас здесь ведётся активная работа по формированию национального самосознания хакасской молодёжи. Кроме того, среди гимназистов есть представители большинства населённых пунктов республики, где проживает хакасское население, включая Абакан. Всё это объясняет роль и значимость гимназии в качестве объекта социолингвистических исследований, которые проводятся здесь регулярно [4; 8]. Анализ данных этих опросов позволяет выявить изменения, которые произошли за последние годы в языковой компетенции гимназистов, их языковом поведении и языковой лояльности.

В 2012-2013 учебном году нами было проведено социолингвистическое обследование учащихся 10-х и 11-х классов ХНГИ. В анкетировании приняли участие 116 человек. Отвечая на первый вопрос анкеты, 47% респондентов назвали родным языком – хакасский, 16% – русский, 36% – хакасский и русский, 2% затруднились ответить. Следует отметить, что 57% из тех, кто признаёт родным языком хакасский, и 95% из тех, кто назвал в качестве родных хакасский и русский, указали, что язык, на котором они начали говорить и говорили до шести лет – русский. Эти данные полностью подтверждают слова А. Н. Баскакова, который отмечал, что «понятие “родной язык”... для большинства тюркоязычных этносов связано с понятием языка своей народности независимо от степени владения им и является одним из основных показателей национальной принадлежности» [1, с. 60].